

Дрѣвняя Православная

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

1. Слово на Святую Пасху. *Святитель Григорий Нисский* 1
2. Практические предложения по возрождению традиции древлеправославного чина в Русской Православной Церкви. *М. Душин* 2
3. Церковная печать начала XX века о знаменном пении. *А. Гвоздецкий* 5
4. Древнерусское благочестие. 400-летие памяти князя К.К. Острожского 12
5. «Путь на Голгофу». Жизнеописание священномученика Симона Охтенского. *Н. Зимина* 17
6. Богослужения в храме Архангела Михаила в мае 2008 года 24

13/27 апреля – Пасха Христова

СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ НИССКИЙ. СЛОВО НА СВЯТУЮ ПАСХУ

СЕГОДНЯ вся вселенная, как одно семейство, собравшееся для одного занятия, оставив дела обыкновенные, как бы по данному знаку, обращается к молитве.

Нет сегодня путников на дорогах; не видно мореплавателей на море; земледелец, оставив плуг и заступ, украсился праздничной одеждой; корчемницы стоят пустыми, исчезли шумные сборища, как исчезает зима с появлением весны; беспокойства, смятения и бури житейские сменились тишиной праздника. Бедный укра-

шается как богатый; богатый одевается великолепнее обыкновенного; старец, подобно юноше, спешит принять участие в радости, — и больной преодолевает болезнь свою; дитя, переменив одежду, празднует чувственно, потому что еще не может праздновать духовно; девица веселится душою, потому что видит светлый торжественный залог своей надежды; мать семейства, торжествуя, радуется со всеми домашними своими, и сама она, и муж ее, и дети, и слуги, и домохозяева, все веселятся.

Как новый, только что образовавшийся рой пчел, в первый раз вылетающий из пчельника на свет и воздух, весь вместе садится на одной ветви дерева, так и в настоящий праздник все члены семейств отовсюду собираются в свои дома. И поистине справедливо сравнивают настоящий день с днем будущего воскресения, потому что тот и другой собирает людей; только тогда соберутся все вместе, а теперь собираются по частям. Что же касается радости и веселия, то по всей справедливости можно сказать, что настоящий день радостнее будущего: тогда по необходимости будут плакать те, коих грехи обличатся; ныне, напротив, нет между нами печальных. Ныне и праведник радуется и неочистивший свою совесть надеется исправиться покаянием. Настоящий день облегчает всякую скорбь, и нет человека так печального, который не находил бы утешения в торжестве праздника.

Ныне освобождается узник; должнику прощается долг; раб получает свободу, по благовому и человеколюбивому воззванию Церкви. Если бы даже раб сделал много важных проступков, которых нельзя ни простить, ни извинить; и тогда господин его из уважения

ко дню, располагающему к радости и человеколюбию, приемлет отверженного и посрамленного, подобно Фараону, изведшему из темницы виночерпия; ибо знает, что в день будущего воскресения, по образу коего мы чувствуем настоящий день, он и сам будет иметь нужду в долготерпении и благодати Господа, и потому, оказывая милость ныне, ожидает воздаяния в тот день.

Отымите печаль у душ, удрученных скорбью, как Господь отъял умерщвление от нашего тела, возвратите честь посрамленных, обрадуйте опечаленных, как во гробе, в темных углах ваших домов; пусть для всех цветет, как цветок, красота праздника. Если день рождения земного царя отверзает темницы, то уже ли победный день воскресения Христова не утешит скорбящих.

Бедные, примите с любовью день сей, питающий вас. Расслабленные и увечные, приветствуйте день сей, врачующий ваши болезни. В нем сокрыта надежда вашего воскресения, которая побуждает ревновать о добродетели и ненавидеть порок; ибо с уничтожением мысли о воскресении у всех будет одна господствующая мысль: «*Станем есть и пить ибо завтра умрем*» (1 Кор. 15, 32).

ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ РАБОТЫ СЕКЦИИ «СТАРЫЙ ОБРЯД В ЖИЗНИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ»
XVI МЕЖДУНАРОДНЫХ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ

Максим Николаевич Душин. *Практические предложения по возрождению традиции древлеправославного чина в Русской Православной Церкви*

БОЛЕЕ 7 лет прошло с тех пор, как на юбилейной конференции, посвященной 200-летию учреждения Единоверия, Святейший Патриарх Алексий II произнес знаменательные слова: «*Чадом Русской Православной Церкви нужно помнить, что древние церков-*

ные обряды составляют часть нашего общего духовно-исторического наследия, которое следует хранить как сугубую драгоценность в литургической сокровищнице Церкви». Именно последние слова о литургической ценности древнерусского чина хотелось бы подчеркнуть для того, что-

бы обратить еще раз внимание на те обрядовые стороны дораскольной Руси, которые могли бы иметь свое продолжение сегодня в молитвенной практике русских людей, как в стенах храмов, так и дома.

Почти 80 лет прошло со времени издания Деяний Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов, где относительно интересующей нас темы отражены конкретные положения, на которые впоследствии опирались церковные соборные установления. Уместно вспомнить, что речь шла о благодатности и спасительности бывшего в ходу на Руси при первых пяти российских Патриархах церковного обихода, о значимости для церковной истории в целом старых православных традиций, освященных сонмом святых угодников Божиих. Это касается, прежде всего, литургической практики, но также и связанных с ней богослужебных книг, церковного пения, использования двоеперстного сложения и некоторых иных аспектов. И материалы Деяний, касающиеся Единоверия, и постановления последующих церковных соборов, прежде всего Поместного собора Русской Православной Церкви 1971 года и Архиерейского собора 1988 года, создают — это очевидно — твердую церковно-правовую базу не только для «оправдания» и возвращения, но и для полноценного существования старого обряда в лоне Русской Православной Церкви.

К сожалению, нельзя сказать, что постановления эти соблюдаются в полном объеме. В частности, в издаваемых в настоящее время катехизисах и учебных материалах по Закону Божию, в учебных пособиях для духовных академий и семинарий, православных вузов указывается только один (троеперстный) образ крестного знамения, не излагаются основы

древних чинопоследований наряду с новыми, не получают распространения оригинальные старые тексты основных молитвословий и т. д. Ра-

зумеется, это продолжает способствовать бытованию слухов среди прихожан общеправославных храмов о старообрядцах, да и о единоверцах как о неких маргиналах и чуть ли не сектантах. Удивительно, но и большинство священнослужителей православных придерживаются по сю пору тех же взглядов. О чем это говорит? Безусловно — об отсутствии соответствующей информации. Информация о соборных решениях и постановлениях либо не

доходит до большинства членов Церкви, либо представлена в недостаточном виде. Позитивным видится в этом смысле один из основных выводов, сделанных на прошедшем в 2004 году Архиерейском соборе: *«Необходимо последовательно осуществлять в повседневной церковной жизни на всех ее уровнях ранее принятые решения Священноначалия, касающиеся старообрядцев, в особенности Деяние Поместного собора Русской Православной Церкви 1971 года о признании равночестности и равной спасительности старого и нового обрядов»*. Если вдуматься, сегодня каждый вполне законно имеет право креститься двумя

перстами, молиться «по-старому», придерживаться в жизни и быту дисциплинирующих устоев старого обряда. И если уж на этот счет имеются церковные постановления, хочется верить, что они не формально декларативны, а рассчитаны на перспективу. Конечно, надо быть реалистами и понимать, что подобные соборные установления не есть поворот всей Русской Церкви к ее истокам, однако некоторые замечания и конкретные указания о путях реализации решений Церковных соборов возможно сделать. Касаются они как раз непосредственного повседневного осуществления в православной жизни элементов древнерусской молитвенной практики. Можно повторить, что именно отсутствие у общества информации по данному вопросу такую возможность сводит на нет, но эта преграда преодолима, и сделать для этого нужно совсем не многое.

М.Н. Душин

1. В издаваемых учебниках Закона Божьего наряду с общеправославными правилами и положениями отражать и их древнерусский вариант. То же касается и иной литературы, выпускаемой системой религиозного образования Русской Православной Церкви. В докладе митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла Архиерейскому собору Русской Православной Церкви 2004 года справедливый упрек со стороны людей, равнодушных к древнему чину, был озвучен: *«Почему же в учебниках Закона Божия, которых в последнее время издано множество, мы не находим указания на возможность двух способов перстосложения – хотя бы мелким шрифтом, в примечании?»* По мнению владыки, убедительный ответ на данный вопрос найти трудно. Решение же проблемы видится несложным. Ведь целиком и полностью этот вопрос может быть решен внутри специально созданных учреждений самого Московского Патриархата, в частности его Издательского совета. А что касается непосредственно редакторской работы и содержания соответствующих разделов Закона Божьего, то Комиссия по старообрядным приходам без труда найдет в единоверческой среде всестороннюю помощь. Отделу религиозного образования и катехизации РПЦ также не пришлось бы ничего выдумывать «с нуля», если бы было принято положительное решение по вышеозначенному вопросу. И речь идет не только о способе перстосложения, но и о вариантах прочтения основных молитв и Символа Веры.

2. Ввести преподавание крюкового знаменного пения в системе духовного образования. Каких-либо канонических препятствий к тому нет. Есть сугубо технические: отсутствие официальных пособий и преподавательских кадров. Но, несмотря на то, что с 1971 года никаких шагов в этом направлении не предпринималось, знаменный распев все же приобрел некоторую популярность в православных кругах. Некоторые – не только единоверческие – приходы практикуют древнее церковное пение. И специалистов в этом вопросе уже сегодня найти не составит труда. Думается, что и старообрядческая церковь не осталась бы в стороне. Также можно было бы посы-

лать желающих для приобретения практических навыков в соответствующие единоверческие приходы. Вполне вероятно, что не все понимают необходимость возврата от пения партесного к унисонному знаменному. Интересно в этом смысле давнее указание Святейшего Патриарха Алексия (Симанского) в 1948 году на неприемлемое плачевное положение церковного пения. *«У нас на Руси, – проникновенно говорил Патриарх, – во многих древних обителях до последнего времени можно было утешаться истинно церковным пением... К величайшему прискорбию приходится сказать, что в настоящее время это почти полностью утрачено, и вместо небесной музыки, какая слышалась в древних строгих и величественных роспевах, мы слышим мирское легкомысленное сочетание звуков, и, таким образом, пение в храмах наших, особенно городских, совершенно не соответствует той цели, которую оно должно преследовать, и храм из дома молитвы часто превращается в зал бесплатных концертов, привлекающих "публику", а не молящихся, которые должны поневоле терпеть это отвлекающее их от молитвы пение. Почти забыты древние трогательные церковные распевы – знаменный, греческий, болгарский, киевский... В храме часто слышишь такую музыку, под которой уместно было бы подписать вовсе не те слова, которые поются, так как нет никакого соответствия между словами и музыкой...»* Ежели это мнение не утратило актуальности и сегодня, то предпосылки и возможности для изменения ситуации есть. Естественной, если можно так выразиться, «преградой» на данном пути является сложность соотнесения некоторых крюковых песнопений с нынешним богослужебным уставом РПЦ. Однако при бережном и внимательном подходе к изучению старого богослужебного чина шероховатостей можно избежать, тем более, как уже было сказано, опыт успешного использования знаменного распева на богослужениях в общеправославных храмах имеется.

3. Популяризация распространенного в Древней Руси и сохранившегося в обиходе старообрядцев типа четок – лестовки.

На первый взгляд, это частность, кажущаяся незначительной деталью. Однако именно из деталей, подогнанных одна к другой, и складывается образ исповедания, идентификация самих себя по принадлежности к определенной традиции. И старообрядческая разновидность вервицы — лестовка — как нельзя лучше символизирует собой нашу исконную духовную традицию и Символ Веры. Возвращение верующим русским людям традиционно используемой лестовки не имеет никаких препятствий, так как само ремесло ее изготовления не исчезло, и необходимо, опять же, лишь соответствующее распоряжение, исходящее от священноначалия.

4. Издание на русском языке Священного Писания, сверенного с древнерусскими образцами текстов Острожской Библии, Архангельского Евангелия и прочих, использующихся в богослужении по старому чину. Без сомнения, возможность православными христианами читать древнее Евангелие в популярном доступном изложении отсутствует. Конечно, синодальный перевод весьма добротный, и текст, использующийся сегодня Российским библейским обществом, следует считать принятым за основу, однако немногие, но существенные разночтения с древнерусскими образцами позволяют предположить, что и на знакомство с этими последними наши прихожане имеют право. Сейчас они его лишены. Редкие научные издания стали раритетами, да и не

всякий осилит церковнославянский язык сходу. Чтение же перевода на современный русский язык доступно всем. Сделать такое популярное переложение, опять же, не составляет труда. В среде единоверцев есть грамотные люди, образование которых и профессиональная принадлежность позволяют проделать данную работу. Разумеется, при сегодняшнем развитии книгопечатного дела такое издание можно осуществить и не дожидаясь официального благословения руководства РПЦ, но в этом случае оно будет лишь инициативой частных лиц, тогда как инициатива, например, Комиссии по старообрядным приходам, могла бы способствовать получению официального разрешения на подобное издание. Надо заметить, что помимо несомненного духовного и культурного значения, данное издание массовым тиражом и стало бы тем самым фактом, который подтверждал бы возможность не только полноценного существования двух образцов в лоне Русской Православной Церкви, но и историческое единство общего религиозного наследия.

Данный небольшой обзор мер популяризации древнеправославного чина можно рассматривать как рекомендации и в то же время как обращение к соответствующим отделам Московского Патриархата для рассмотрения и принятия соответствующих практических решений в виду постановлений соборов Русской Православной Церкви.

ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ

А.А. ГВОЗДЕЦКИЙ. ЦЕРКОВНАЯ ПЕЧАТЬ НАЧАЛА ДВАДЦАТОГО ВЕКА О ЗНАМЕННОМ ПЕНИИ

ЗНАМЕННЫЙ роспев — величайшее достояние Русской Церкви. Его ценность заключена, в первую очередь, в универсальных возможностях передачи духовного смысла текстов, предназначенных для пения. Как замечательно сказал протоиерей Борис

Николаев, «знаменный роспев близок и дорог сердцу всякого русского православного христианина как священная мелодия, отражающая в себе всю красоту и величие русского Православия, как чистое зеркало души, создавшей эту красоту за период семивековой истории русского Православия». Зна-

менное пение — явление сугубо духовное, «поющее богословие», «умозрение в звуках» — создавалось подвижниками высочайшей духовной жизни, результат их духовного опыта.

К сожалению, все острее становится вопрос сохранения знаменного распева и, как следствие, проблема обучения знаменному пению. За несколько последних столетий русские люди достигли огромных успехов в освоении западной музыкальной культуры, утратив одновременно многое в понимании и знании культуры собственной. В синодальный период истории Русской церкви конца XVII — начала XX века знаменное пение едва теплилось в некоторых храмах и обителях. Существенно упала певческая культура в тот же период (правда, по совершенно иным причинам) и в старообрядчестве.

Педагогическая составляющая в деле возрождения древнерусской певческой культуры — одно из самых сложных звеньев. Дело в том, что средневековые «учебные пособия» (певческие азбуки, фитники, кокизники) были ориентированы на людей, живших в окружении звучащего знаменного распева, когда традиционная культура передавалась естественными для нее путями. Собственно, знаменная нотация предназначена не столько для чтения нотных песнопений «с листа», сколько для «извлечения» из памяти уже известных певчому мелодических архетипов. Таким образом, знаменный распев относится к устно-письменной культуре, в которой недостаток любой составляющей — слухового ли и певческого опыта, владения ли крюковой грамотой — оказывается весьма существенным. Воссоздание живой традиции требует ныне больших усилий в обеих вышеуказанных сферах.

А как было век назад? Что думали по этому поводу наши предшественники? Для ответа на этот вопрос заглянем на страницы периодических изданий вековой давности. Многочисленные церковные журналы, издаваемые в России в конце XIX — начале XX века, естественно, не обходили молчанием проблему сохранения и возрождения древнерусской певческой культуры. Однако при просмотре

значительной части церковной периодики рассматриваемого временного отрезка бросается в глаза, в первую очередь, разница в освещении данной проблемы журналами синодальными и старообрядческими.

Синодальные журналы много внимания уделяли полемике со старообрядцами. Особого осмысления, однако, на наш взгляд, достоин тот факт, что церковное пение, столь разнившееся к тому времени у старообрядцев и Великороссийской церкви, практически никак не фигурирует в полемических публикациях. Даже издававшийся во Пскове журнал «Истина», специализировавшийся именно на миссионерской работе со старообрядцами, практически ничего не писал о пении, хотя, например, проблемы разного взгляда на иконопись журнал освещал во многих публикациях.

Журнальные публикации дают возможность наблюдать каковы были взгляды современников на пение в Великороссийской церкви. Журнал «Хоровое и регентское дело» может, видимо, служить достаточно верным ориентиром для получения впечатлений такого рода. В первую очередь становится ясно, что знаменный распев как таковой практически не рассматривается как живой и ценный материал, пригодный к употреблению за богослужением. В самом резком стиле написана заметка «И все из-за пения!» в № 6 за 1909 год, подписанная псевдонимом «Николианец». Автор, критикуя выступление в «Церковных Ведомостях» некоего владыки желает, чтобы архиерей взял назад слова: *«Должно решительно воспретить в монастырях всякое партесное пение и настоятельно требовать, чтобы обители строго держались пения обиходного, самого простого»*. Заметка оканчивается выражением — манифестом: *«Мы можем положительно уверить, что самое строгое унисонное и к тому же старообрядческое пение, не способное ни на что прибавить благочестия своим адептам»*. Вообще, больше всего критики достается архиереям со стороны любителей «партеса». Типичный образец — статья «Духовенство и церковная музыка» в № 4 за тот же год, подписанная Е. Вишневым. *«В одном из провинциальных городов за архиерейскими богослужения»*

ми был исполнен ряд сочинений – Турчанинова, Львова, Архангельского, Львовского, Смоленского, Чайковского, Гречанинова и других. И что же? После литургии за чаем у настоятеля, на вопрос последнего, как понравилось Владыке пение хора, епископ сказал: "Никуда не годится! Вчера я слушал "Тангейзера", а сегодня "Фауста", "Пиковую Даму". Когда же слышавший такой отзыв попечитель хора вступил в прение с архиереем, заявляя, что местный хор пользуется репутацией лучшего в этой епархии, Владыка сказал, что своим отзывом он не имел намерения обидеть хор, а хотел сказать, что в храме он слышал оперное пение, исполненное великолепными голосами, но не слышал "пения умирительного"». При посещении же учебных заведений, Владыка дал такое наставление: *Нужно петь знаменный, греческий и болгарский распевы, так как в этих распевах содержится та сердечная простота, теплота и смирение, с которыми мы должны обращаться к Богу*. «Очевидно, – пишет автор статьи, – Владыка даже не подозревает, что Львовский, Кастальский, Чесноков и Гречанинов гармонизовали в большинстве именно эти распевы». Удивления достоин тот факт, что точнейшая критика, которой безымянный (и, заметим, весьма образованный) архиерей подверг пение, была просто не услышана, ведь возражения касаются совсем не того, о чем Владыка говорил! Далее Е. Вишин сетует: «О мнениях иного характера (среди архиереев. – А.Г.) что-то не слышно». Это – констатация малоизвестного ныне факта, что архиереи Велико-росийской церкви в начале прошлого века были практически едины во взглядах на церковное пение, и взгляды эти были «знаменные». Интересно отметить, что духовенство в глазах тогдашних сторонников «концертного клироса» видится главной оппозиционной силой. Так, в № 9 за 1909 год в анонимной заметке «Из речи, не сказанной на Втором Регентском съезде» содержится такой пассаж: *«Весь период многоголосного или, как его называют у нас – гармонического пения, прошел вне влияния наших пастырей... Они отстали от жизни,*

*которая сама властно, невзирая ни на что, ввела это новшество гармонического пения. И теперь они не могут пере-
варить, помириться с мыслью, что*

нужно освоиться с этим премудрейшим художеством». Публикаций подобного рода встречается весьма много.

Впрочем, присутствуют и статьи менее резкие. Примером может служить заметка в № 3 за 1909 год А.В. Никольского «О "церковности" духовно-музыкальных сочинений». Она послужила отправной точкой дискуссии, развернувшейся на страницах многих следующих номеров журнала. Пытаясь определить понятие «церковности» для песнопений, автор констатирует огромный разброс мнений на этот счет: «Для одних "церковность" почти то же, что "умилительность" напева; для других – она состоит в наличии древних мелодий, взятых как канва для многоголосной обработки; третьи склонны искать ее в характере самой гармонии, свободной от прязных сочетаний и отличающейся суровостью стиля; четвертые готовы признать церковным все, что успело утвердиться на нашем клиросе благодаря давности и традиции, нисколько не смущаясь близостью этой музыки к "дехтеревщине" и "веделевщине"...» Интересно, что и по сей день клиросные деятели «гармонической музыки» ищут (и с тем же успехом) ответ на вопрос о «церковности» того, что поют...

Ряд любопытных публикаций встречается в «Прибавлениях к церковным ведомостям». Так, в «Дидактических очерках» С. Миропольского («Прибавления» к № 40 за 1889 год) встречаем следующее суждение об обучении детей церковному пению: *«Пусть дети сперва научатся петь "Господи помилуй", "Поддай, Господи", "Аминь", потом наиболее простые песнопения: "Отче наш", "Верую", "Достойно есть" и другие, и сперва, стоя возле клироса, пусть дети подпевают клирошанам, а когда утвердятся в навыке петь и в твердой интонации, допускаются способные и на клирос. Мало помалу от одноголосного пения учитель может перейти к хоровому; для последнего, конечно, нужно ознакомление учащихся с нотными знаками»*. То есть унисонное пение, по мнению автора, не является хоровым пением (как тут не вспомнить «академический» курс хороведения – хор есть ансамбль вокальных унисонов и ничего другого), а о знакомстве детей с крюками не может быть и речи. В «Прибавлениях» к № 7 за тот же

год опубликована статья за подписью «Д.С.», критикующая «Элементарный курс теории партесного церковного пения, применительно к программе духовной семинарии» диакона М.О. Коневского. Сетую на то, что в данном пособии не излагаются «правила гармонизации наших церковных мелодий на основании церковных звукорядов по началам осогласия», критик отмечает, что «кроме "Краткого учебника гармонии" Чайковского, по настоящее время едва ли можно указать что-либо более подходящее». В целом же публикации методического характера предназначены исключительно для освоения господствовавшего тогда (да и сейчас) стиля.

Старообрядческая печать, напротив, публикует интересные материалы, касающиеся знаменного пения и его изучения. На страницах журналов «Слово Церкви», «Старообрядческая мысль», «Церковь» можно встретить достаточное количество публикаций, посвященных церковному пению и проблемам певческого обучения. Наконец, старообрядческий журнал «Церковное пение», редактировавшийся основателем издательства «Знаменное пение» (1905 г.) Л.Ф. Калашниковым, полностью посвящен этой теме.

Публикации старообрядцев на певческие темы, также как и публикации синодальные, часто полемичны. Но полемика эта обращена, как ни странно, не столько к «никонианам», сколько к старообрядческим же хорам и их руководителям. Красной нитью сквозь большинство публикаций проходит мысль о неудовлетворительном пении в старообрядческих храмах и необходимости преобразований — положительного решения вопроса о возможности участия женщин и детей в клиросном пении, замена старых методик обучения пению. Состояние певческого дела критикуется, причем порой весьма и весьма серьезно. Так, в приложении «Церковное пение» к журналу «Старообрядческая мысль» № 11 за 1912 год в статье «К вопросу о развитии пения» Ф. Гусев пишет: *«Есть такие приходы, которые не желают развить настоящего пения, даже дорожат такими певчими, которые стараются как бы спеть поголосистее, погнусавее... Ужасно получается отвратительное пе-*

ние. Нужно стремиться к такому пению, чтобы спеть плавно, тихо и скромно... Есть и такой народ в старообрядчестве, которые не желают открыть училище... противодействуют введению дисканта». В том же номере ему вторит Макарий Мекалин, который критикует неверное произношение «Господи помилуй, Святое Боже», а также «гаканье» («вместо Аллилуия — га-га-га»). Автор описывает исполнение Херувимской: *«Раз пять повышали, а потом опять понижали; по окончании Херувимской песни... были красные как раки, и пот валял с их лиц».*

Начиная с № 2 от 1914 года в «Приложении» начинает публиковаться пространная «Лекция о "крюках"», прочитанная Л.В. Быстровым в Братстве Честного и Животворящего Креста. Публикация лекции предваряется рассказом о ней, а также о дискуссии, развернувшейся по ее прочтении. Например, Л.Ф. Калашников предлагал следующее: *«...для упрощения и лучшего запоминания начертаний нужно просто оставить только несколько знамен, исключив все "тайнозамкненные" лица и попевки, не касаясь самого напева»*, то есть исключить из употребления для записи не только лица и фиты, но даже и простые попевки (собственно, эта идея во многом воплощена в «Обеднице» и «Обиходе» Л.Ф. Калашникова, где все лица и фиты в розводе). Такая позиция нашла в тот вечер противников в лице В.Е. Швецова и И.П. Федорова. Последний сказал, что «книги певческие и без того всем понятны», а поэтому править их не надо.

Сама лекция, опубликованная в № 2 и 3 за 1914 год, представляет собой еще одну попытку упрощения обучения крюковой грамоте. Автор пытается выделить в начертании знаков главные элементы и проследить, как именно они влияют на значение того или иного крюка.

Особо следует остановиться на статье Якова Алексеевича Богатенко «Методика изучения церковного пения», опубликованной в журнале «Церковь», № 19, 40, 48 за 1909 год и «Беседы о церковном пении», опубликованные в журнале «Слово Церкви», № 3, 4, 6, 8, 16 за 1915 год.

Я.А. Богатенко (иногда писалось — Богатенков, 1845–1941) —

яркая личность, известный в начале XX века старообрядческий иконописец-реставратор, а также (или в первую очередь?) головщик хора Братства Честного и Животворящего Креста, автор многочисленных публикаций по церковной живописи и церковному пению. Сын старообрядческого архиерея. В советский период подвергался преследованиям НКВД, неоднократно был арестован. Скончался в тюремной больнице.

«Методика изучения церковного пения» — это действительно полноценное методическое пособие, в котором рассматриваются практически все аспекты преподавания знаменного пения в современных автору условиях. Публикация отличается четкой структурой, ясностью изложения. Разумеется, она обращена к старообрядческому обществу, так как в тот период вне старообрядчества обучение знаменному распеву интересовало весьма узкий круг любителей и знатоков.

В самом начале «Методики...» обозначается принципиальный подход автора к тому, для чего же, собственно, необходимо обучение знаменному пению. Подвергая критике существовавший в старообрядческой среде подход к обучению, при котором «характер, вероятно чисто профессиональный, т. е. пение изучали лишь настолько, насколько необходимы были "для дела" самые элементарные познания в этой области, приводивший к тому, что «громадное большинство церковных певцов поет почти бессознательно, не понимая и не интересуясь смыслом и содержанием песнопений». Я.А. Богатенко видит задачу в том, чтобы сделать «отношение

к церковному пению, как к искусству... сделать его выразительным и более отвечающим своему высокому назначению, — пробуждать чувство молящегося». Певец, по мысли Богатенко, это не просто тот, кто «твердо и уверенно знает малейшие различия крюков между собою в зависимости от разных "гласов"... без колебания скажет, сколько звуков или нот заключается в том или другом крюке ...и, кроме того, все более или менее употребительные песнопения он также легко и свободно поет по памяти, наизусть». Программным представляется следующее высказывание: «У громадного большинства певцов не замечается и интереса к значению слов, произносимых ими при пении... Поют себе и поют... потому что нужно

петь, необходимо по уставу богослужения... Но еще более необходимо пробудить их дремлющее сознание, необходимо воспитать в них чувство ответственности перед молящимися за результаты своего равнодушного и ремесленного пения...»

Яков Алексеевич считает неприемлемым пение в храме по слуху, без серьезной подготовки:

«Чтобы участвовать в церковном пении, все-таки нужны хотя бы какие-нибудь теоретические познания в крюках, так как один практический опыт и привычка к пению "по напевке" еще не может дать достаточно благих результатов, а наоборот, иногда значительно вредит в смысле правильного исполнения церковных мелодий». И это — тоже принципиальная позиция.

Автор подвергает критике существовавший у старообрядцев метод обучения: «Преподаватель тотчас после ознакомления с "лестницей" прямо переходит к изучению какой-нибудь стихеры (чаще всего — первой же по

Хор Братства Честного и Животворящего Креста Господня, старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию.

Головщик Я.А. Богатенко (в центре)

"Учебному октаю": "Радуйся от нас святая Богородице Дево" 1-го гласа). Стихера изучается сначала "солями" (от названия звука "соль"), то есть, начиная с первого же крюка, преподаватель объясняет его начертание, количество звуков в нем заключающихся, их высоту и их длительность... для учеников, не подготовленных предварительными познаниями в области звуков и их соотношений, слишком резок такой прямой переход от "лестницы" к изучению стихеры, состоящей из целого ряда звуков в самых различных комбинациях. Кроме того, эти трудно запоминаемые своеобразные названия крюков, иногда содержащих в себе по несколько звуков различной длительности и высоты, зависимость их один от другого и от гласов, масса всевозможных теоретических условий — все это создает для начинающих изучать крюки чрезвычайные затруднения. После самого примитивного и первоначального объяснения о высоте звука ("лестница") на них сразу обрушивается такая масса сведений, которые знать необходимо, что ученики в первое время становятся совершенно в тупик перед множеством этих странных, непонятных им названий: "хамило" "сложитие", "дербица", "параклит" и т. д., окруживших их со всех сторон и пугающих неподготовленное сознание учеников своим странным начертанием. И много, много детских слез иногда проливается над каким-нибудь "пауком" или "стрелой трясогласной", неподдающейся детскому пониманию. Дело, следовательно, именно в том, чтобы систематически распределить весь материал необходимых сведений по теории и практике крюкового пения».

Я.А. Богатенко предлагает начинать обучение с «лестницы», то есть с пения ступеней знаменного звукоряда с названием нот. Интересно, что автор обращается именно к нотному обозначению ступеней — ут, ре, ми, а не к собственно знаменному. После овладения пением гаммы предлагается освоить скачки между звуками. Затем ученикам объясняют соотношение различных длительностей. Заметим, что в начале обучения, таким образом, знаменная нотация выглядит не

как идеографическое письмо, а как усложненная в сравнении с нотной, но устроенная практически по таким же принципам нотация.

На начальном этапе обучения предлагается «не называть и не объяснять самых крюковых знаков во всем их историческом значении, а лишь касаться пока длительности и числа звуков, в них заключающихся. (Высота, разумеется, имеет первостепенное значение). Особенно это надо иметь в виду, когда встретятся крюки многозвучные. Достаточно назвать самые звуки (по высоте: ре, соль и т. п.), которые заключаются в них, и ученик, присмотревшись к их начертанию, уже не слишком затруднится и при исполнении их. Название же крюка можно запомнить при дальнейшем последовательном обучении, когда внимание и ум учащихся окрепнут и приспособятся к усвоению крюковой теории». Усвоение знаков крюковой нотации, по мысли Я.А. Богатенко, должно быть не только, так сказать, пассивным, но и активным предлагается такая форма работы, как запись учениками крюков в тетрадах, «и вообще добиться того, чтобы ученики не только могли безошибочно указать в книге этот крюк, но и написать его по памяти, наизусть... Только тогда и можно с достоверностью сказать, что данный крюк усвоен всесторонне и основательно».

Я.А. Богатенко затрагивает в своей работе вопросы вокальной подготовки. Отмечая недостаток внимания к этому вопросу в старообрядческой среде, автор замечает: «Весьма редко можно встретить у певцов церковных достаточно правильное произношение (дикцию), вполне естественное положение рта при пении, и чистый, открытый звук. Почему-то громадное большинство певчих имеет за собой больше недостатков, чем достоинств. Нельзя же думать, что среди них и не было хороших голосов, что от природы пение их страдает неестественностью и звуками их голосов от природы такого тусклого или наоборот, такого пронзительного, неприятного тембра. И вина того, что ряды плохих певцов все пополняются, лежит всецело на неумелых или невнимательных преподавателях пе-

ния... для всех должно быть ясно, что голос учащегося пению, как самое необходимое условие успеха его будущей деятельности, должен быть всегда на первом и главном месте. При невнимательном же, а тем более при неправильном отношении к голосам учащихся, многие от природы приятные и звучные голоса могут в скором же времени утратить свои достоинства взамен многочисленных недостатков, приобретенных благодаря невежеству иных преподавателей».

Большое внимание автор «Методики...» уделяет ансамблю: «Часто при общем пении хора прямо поражаешься, насколько характер звуков отличается своей разрозненностью и внутренним несоответствием. Каждый голос звучит вполне самостоятельно, следуя лишь общей мелодии; своим же тембром он настолько заметно выделяется из других, что нет большого труда, прислушавшись, сказать с достоверностью, сколько различных голосов поют в хоре. Весьма ошибочно предполагать, что подобная разнохарактерность голосов зависит главным образом от различия их тембра. Разумеется, есть голоса совершенно своеобразного, самостоятельного тембра, свободно отличающегося от сотни других голосов, но общее правило хорошего пения (и особенно унисонного одноголосного) требует, чтобы независимо от числа певцов, общий, соединенный звук был вполне однородного характера, не нарушаемого покушениями кого-либо из певцов выделить свой собственный голос. Но, между тем, это правило почти нигде и никогда не исполняется, и, кажется, потому только, что многие певцы и не подозревают о его существовании. И преподаватель пения, сколько-нибудь понимающий и любящий свое дело, должен обратить на это особенное внимание. Он должен добиться во что бы то ни стало, чтобы будущий хор из его учеников пел одним общим мягким тембром, свободным от всяких шероховатостей отдельных голосов. Работы над оттенками

пения, над усилением и ослаблением звука ему, благодаря такой подготовке, будет несравненно меньше». Для достижения этой задачи

предлагается в процессе обучения разделить учащихся на группы однородных тембрально голосов и тщательно работать над развитием вокально-хоровых навыков именно с учетом специфики каждой группы.

Статья «Беседы о церковном пении» во многом продолжает рассуждение о проблемах, затронутых в «Методике...». Без всякого преувеличения можно сказать, что «Беседы о церковном пении» — это тоже методическое пособие, глубокое и всестороннее, только предназначенное уже не для преподавателей, работающих с детьми, а для головщиков церковных хоров. В самом начале автор формулирует свою принципиальную позицию во взгляде на церковное пение: *«Дело именно в том, чтобы до известной степени переменить распространённый взгляд на пение как на необходимую лишь принадлежность и уставный атрибут всякого богослужения и добиться того, чтобы оно из простого ремесла стало искусством и как таковое поднялось бы на ту высоту, на которой ему и надлежит быть».*

Соответствия такому высокому предназначению пения можно добиться только путем серьезной работы с хоровыми коллективами. Организация репетиционной работы и является основным предметом статьи.

Вначале определяется цель: *«Организация спевков как подготовительных упражнений должна быть поставлена настолько же широко и разносторонне, насколько глубока и значительна цель богослужебного пения. Цель же эта состоит в том, чтобы искусным и проникающим в сердце исполнением вызвать у молящихся искреннее и теплое чувство молитвы. Кроме того, искусное пение имеет и вполне самостоятельный смысл как непосредственное проявление молитвенного чувства у самого же певца».*

Следующий раздел статьи «Состав хора» затрагивает вопросы, весьма непросто решавшиеся в истории русской церковной певческой культуры. Известно, что женское пение в храме официально не допускалось (исключения составляли лишь женские обители) вплоть до начала XX века. В Великой Российской церкви положение изменилось во многом благодаря деятельности хора А.А. Архангельско-

го. Что касается старообрядцев, то они почти одновременно с «синодалами» положительно решают вопрос о возможности участия женщин в церковном пении. Позиция Богатенко в этом вопросе четкая: несмотря на все опасности и соблазны, которые, как он пишет, могут быть «решительно везде и при всех обстоятельствах», смешанные хоры совершенно необходимы. Опираясь на собственный опыт руководства большим (до 100 человек) смешанным хором при московском братстве Честнаго Креста, где никакие недоразумения не омрачили деятельность братства, зато «цер-

ковные богослужения стали происходить с большей торжественностью и благолепием благодаря увеличенному хору».

Подробно останавливается Яков Алексеевич на личности руководителя хора. Кроме того, что это должен быть музыкально подготовленный, владеющий голосом в такой мере, чтобы показать необходимый характер звучания, руководитель; это должен быть человек, хорошо понимающий «смысл пения». Певцы, по мнению автора, должны безоговорочно подчиняться руководителю во всех вопросах, связанных с пением.

Древнерусское благочестие

ПОСВЯЩАЕТСЯ 400-ЛЕТИЮ ПАМЯТИ КНЯЗЯ К.К. ОСТРОЖСКОГО

В 2008 году исполняется 400 лет со дня кончины верного сына Православной Церкви князя Константина Константиновича Острожского. К сожалению, это имя мало что говорит большинству наших современников и эта круглая дата остается почти незамеченной. Между тем именно князю Константину Константиновичу мы обязаны изданием Библии, получившей название «Острожской», по священным текстам которой до сих пор совершаются богослужebные чтения в единовeрческих и старообрядческих храмах.

Сто лет назад, в 1908 году, трехсотлетие памяти князя Константина Константиновича отмечалось очень широко – соответственно тем огромным заслугам, которые он имеет перед Русской Церковью. Отмечалась эта дата и единовeрцами – наши предшественники поместили в шестом – седьмом номере журнала «Правда Православия» две статьи в память великому труженику на ниве христианского просвещения и непобедимому поборнику православной церкви. Этими статьями мы начинаем ряд публикаций, посвященных князю Константину Константиновичу Острожскому.

СВЯЩ. С. ШЛЕЕВ. ТРЕХСОТЛЕТИЕ ПАМЯТИ КНЯЗЯ К.К. ОСТРОЖСКОГО

(из журнала «Правда Православия» № 6–7 за 1908 год)

Вот и еще один из вдохновителей православного старообрядчества – князь Константин Константинович Острожский! Доблестный защитник православной веры и русской народности высоко держал свое знамя. Ничто не могло сломить твердости его упований. Он не страшился королевского гнева, он не боялся угроз польского сейма, он пренебрегал, наконец, самыми узами родства. Когда старший сын его Януш (Иоанн) принял католичество, он проклял его. На

унию с Римом, затеянную тогдашними епископами юго-западной Руси, князь обрушился со всей силой своего ума, своей мощи. Предчувствуя в князе Острожском великого противника своей мысли о соединении с папой римским, епископы долгое время держали ее в секрете. Просьба о подчинении римскому престолу была подана архиереями в 1591 году тремя годами раньше, как узнал о ней князь Константин Константинович. Король Сигизмунд, несмотря на то, что своим вступлением на

престол во многом был обязан князю Константину, не взирая на свою дружбу с ним, не открыл епископского плана. Так боялись того противодействия унии, которое обнаружил в свое время великий поборник веры — князь Константин. Он выступил с окружным посланием, в коем призывал всех и каждого постоять за истинную веру. Западная Русь заволновалась. Испуганные общим смятением епископы Гедеон Львовский и Михаил Перемышльский отказались от унии. На страже борьбы с унией князь стоял неустанно до самой смерти. Он требует от короля созыва церковного собора, низложения вероломных епископов. Православная сторона на Брестском соборе в 1596 году осуждает унию с Римом. Правда, председатель ее экзарх Никифор обвиняется в шпионстве, а сам князь Острожский подозревается в политической неблагонадежности (обычный прием у духовных удалять сильных противников), тем не менее дело Православия не уничтожается. В 1606 году король принимает на себя обязательство назначать в православные епархии лишь избранных со стороны народа лиц.

Мы немного взяли из жизнеописания князя Константина (подробный очерк его жизни печатается ниже). Довольно и этого, чтобы видеть, какой это был алмаз веры. Из 163 дворянских родов все, за исключением князя Острожского, изменили делу Православия! Преданности при дворе, привилегии взяли верх над преданностью вере Христовой! Никто не захотел страдать за предание своих предков! Этот жребий они предоставили князю Острожскому и тому простонародью — горожанам и крестьянам, кои окружали его. И князь Константин не смутился, что на стороне врагов увидел блеск и величие, силу и могущество.

Он умело и дерзновенно собрал своих серых союзников в монастырях и братствах и с помощью их бился духовным оружием до последнего часа своей жизни.

Непримиримую вражду к Божьим врагам князь завещал своим преемникам — игуменам, мещанам и крестьянам. И вот в ту пору, когда Московское государство спасают мещане (Минин) и крестьяне (Сусанин), на юго-западе России охраняют православную веру и русскую народность люди, вышедшие из одних с ними народных слоев! Как на Москве дело увенчалось воцарением царя Михаила Феодоровича и поставлением Филарета Никитича на патриарший престол, так и здесь болезни и труды ревнителей православия Бог увенчал восстановлением православной иерархии! Патриарх Феофан в 1620 году поставил шесть православных епископов во главе с митрополитом вместо уклонившихся в папство юго-западных архиереев.

Образ князя Острожского вдохновляет ревнителей правды православия не только десятки лет (с 1608 по 1620 г.), но и целые столетия.

Через триста лет после своей кончины князь Константин вызывает к себе еще больше чувств преданности, уважения и готовности следовать ему. Наша Русь живет так, что через каждые трехсотлетия переживает лихолетье, от коего освобождается лишь чистотой и твердостью в своей вере. В настоящую годину испытаний наша Родина, очевидно, найдет искупление в обновлении своего духа, в озарении теми заветами, какими был проникнут князь К.К. Острожский. Только дух православия, который более всего остался в православном старообрядчестве, согреет и оживит Россию, сделав ее Русью дорогою, Русью Святою.

Князь К.К. Острожский.
Портрет XVI столетия

КНЯЗЬ К.К. ОСТРОЖСКИЙ

(из журнала «Правда Православия» № 6–7 за 1908 год)

13 февраля исполнилось 300 лет со дня кончины известного в русской истории деятеля на пользу родины и заступника православия князя Константина Константиновича Острожского. В этот день память князя чувствовалась во многочисленных городах России разными учеными обществами, братствами, учебными учреждениями, особенно на Волыни, в Киевской губернии, Подольской, в Вильне, Минске, в Холмской Руси, в Петербурге, в Галиции (в Австрии) и даже в Нью-Йорке выходцами из Галиции и других местах.

Князь К.К. Острожский родился в конце 1527 года. Род его происходит от Владимира Святого, по линии Ярослава Мудрого. В числе предков князя, отличавшихся благочестием, особенно известен князь Феодор Данилович, который в 1441 году удалился в Киево-Печерскую лавру, умер схимником с именем Феодосий, прославился после смерти чудесами и причислен к лику печерских угодников (мощи его почивают открыто в киевских дальних пещерах). Много предков князя отличавшихся мужественной защитой родины от татар: князь Андрей пал в 1399 году в битве с Едигеем, военачальником Тамерлана; князь Иван в 1455 году одержал большую победу над крымскими татарами. Особенной славой в борьбе с татарами покрыл себя отец князя Константин Иванович. Современники насчитывают более 33 побед его над татарами. В 1512 году он разбил под Вишневецом 25 000 татар, напавших на русские области, захватил в плен хана Менгли-Гирея с тремя сыновьями, а в 1527 году взял в плен до 20 000 татар, освободил томившихся в плену до 40 000 христиан. Часть пленных татар он поселил в Волыни в своих острожских владениях.

Князь Константин Константинович наследовал после смерти отца и старшего брата, обширные владения и авторитет в польском государстве, в состав которого входили юго-западные русские области. Как велики были бо-

гатства князя Константина Константиновича, видно из того, что он получал доход до 2 миллионов рублей на наши деньги, — сумма по тому времени громадная, а в описи имущества, оставшегося после смерти единственного представителя рода, сына его Януша, значится: 80 городов и местечек, 2760 сел и деревень, 600 000 червонных золотых, 400 000 талеров, 290 0000 разной монеты, 30 закупоренных бочек серебра в слитках, разных золотых вещей на 400 000 злотых, 60 упряжек экипажных, 700 верховых лошадей, 4000 лошадей и без счету разного скота и овец.

Князь К.К. Острожский был в XVI столетии самый могущественный вельможа в Польском королевстве, в состав которого входила юго-западная Русь вместе с Литовским княжеством. Даже два польских сенатора состояли стольниками князю и обязаны были хотя бы два раза в год прислуживать ему. В 1587 году, когда происходили в Варшаве на сейме выборы нового польского короля, князь Константин Константинович явился в сопровождении трехтысячного вооруженного отряда, — по тому времени это была сила очень внушительная.

Насколько князь Константин Константинович был влиятельным и авторитетным в тогдaшнем Польском королевстве, видно из того, что король Сигизмунд III назначил сына его Януша краковским каштеляном, который имел право занимать ведущее место среди сенаторов.

Как и отец, князь К.К. Острожский с большим успехом защищал юго-западные русские области от крымских татар. Он разбил татар в 1575 году под Синявой (в Подольской губернии), в 1577 году под городом Дубно (в Волынской губернии) и в 1578 году под городом Острог, в котором татары неожиданно окружили князя в то время, когда он праздновал свадьбу своей дочери.

Заслуга князя К.К. Острожского заключается в том, что он выступил наиболее решительным и преданным родине защитником рус-

ской народности и православной веры во время польско-иезуитского напора и борьбы русского народа с папским католичеством, наступавшим на юго-западную Русь под флагом польской власти и королевского правительства. Он был наиболее просвещенным деятелем своего времени, плоды его просветительской деятельности имели громадное значение не только в юго-западной, но и в Московской Руси.

В эпоху князя К.К. Острожского было два события, выдающихся для юго-западной Руси, отделенной, причинами татарского нашествия от собрания земли русской в одно государство, центром которого явилась Москва вместо Киева.

В 1569 году под влиянием угроз и хитростей со стороны короля и польских вельмож состоялось государственное соединение литовско-русских областей с Польшей. Наиболее противились этому соединению волынские русские люди, но в конце

концов уступили, и с того времени началось постепенное нашествие польской шляхты, панов и католического духовенства на юго-западные русские земли, а вслед за тем начались наступательные действия на православную Юго-Западную Церковь.

Давно, еще со времен киевских князей, Рим обращал внимание на Русскую Церковь и стремился подчинить ее себе. Еще к Московскому царю Иоанну Грозному, современнику князя Константина Константиновича, являлся иезуит Поссевин с затаенной целью, не удастся ли склонить царя к признанию главенства папы. Но все такие и подобные попытки были бесплодны для Рима, пока в Польше не появились иезуиты и не устроили придуманный ими религиозный мост, по которому надеялись перевести православных в католичество, — это была уния с Римом, ловко затеянная во входивших в состав Польского

государства русских областях. Уния требовала от православных признания главенства папы и оставила им все обряды и порядки Православной Церкви.

Эта уния началась после 1596 года и вызвала с той поры в русских юго-западных областях упорную религиозную и национальную борьбу, с казацкими восстаниями и народными волнениями. Борьба эта в результате оказала громадное влияние на судьбу всего Польского государства.

Князь Константин Константинович выступил решительным противником унии, которая, по справедливому заявлению князя, могла быть принята только с согласия восточ-

ных патриархов и всей Восточной Церкви, а не двух-трех русских епископов, действовавших тайком. Князь настаивал на созыве собора из духовных и светских лиц. Такой Собор состоялся в 1596 году в Брест-Литовске. На этом Соборе присутствовало более 220 ду-

ховных представителей православной Церкви и много светских представителей православных дворян и мещан. Во главе этих лиц стоял князь Константин Константинович с сыном своим Александром, волынским воеводой. Собор отверг унию.

Для борьбы с унией и в связи, с нею с полонизмом князь Константин Константинович объединял силы духовных и светских лиц, учреждал братства, как сплоченные общины, заботился, чтобы на иерархические места избирались и назначались лица достойные, поддерживал православную иерархию, строил церкви и заботился о благоприличии общежитий в монастырях, где бы воспитывались и получали просвещение будущие представители православной иерархии и борьбы с унией. В Дубенский монастырь на Волыни он вызвал из Галиции преподобного Иова, впоследствии игумена Почаевской лавры. В судах за-

Древний Острожский замок

щищал народ от преследования польских панов и католического духовенства. Польский король Стефан Баторий еще до возникновения унии считал князя Константина Константиновича «верховным хранителем и защитником православной Церкви на Руси». Константинопольский патриарх в своих грамотах называл князя «стражем святой Восточной апостольской Церкви».

Особенно князь Константин Константинович заботился о просвещении. В своей резиденции, в городе Остроге, он учредил академию под руководством ученого грека Кирилла Лукариса (впоследствии Константинопольским патриархом, в 1638 году утопленным турками в море). Это была первая на Руси греко-славянская школа для преподавания свободных наук. Из ее учеников известны – ученый своего времени Мелетий Смотрицкий и гетман запорожских казаков Петр Конашевич Сагайдачный, защитник Киева и православной иерархии от католичества. При академии возникло новое ученое братство, которое стремилось удовлетворять потребности просвещения в юго-западном крае.

Кроме этой академии, князь учредил типографию, отделение которой находилась при Дерманском монастыре. Из этой типографии вышла в 1581 году первая русская печатная Библия. Экземпляр рукописной полной Библии дал князю царь Иоанн Грозный в 1570 году, но оказалось, что в этой Библии много погрешностей и ошибок. Князь послал искать другие списки Библии в монастырях сербских, болгарских, греческих и к Константинопольскому патриарху. Когда доставлены были рукописи, князь по совету своих ученых сподвижников велел для исправления пользоваться греческим текстом. (Острожская Библия была перепечатана в Москве в 1663 году при Алексее Михайловиче). В печатании Библии принимал участие первопечатник московский диакон Иоанн Федоров, бежавший из Москвы после разрушения чернью

открытой в Москве типографии. Кроме Библии, напечатано было при князе несколько книг церковных и полемических.

Князь К.К. Острожский скончался в 82 году жизни, 13 февраля 1608 года и похоронен в фамильной усыпальнице замковой Богоявленской церкви в городе Остроге.

У князя было три сына: Иван, Александр и Константин. Последний увлечен был иезуитами в католичество, но возвратился в Православие, умер в 1595 году бездетным. Александр женат был на дочери воеводы Сандомирского, ревностной католической, окруженной иезуитами и монахами других орденов. Князь Константин Константинович очень боялся, чтобы его сын не был увлечен иезуитами и просил львовское братство (в Галиции) позаботиться о нем. Александр остался православным, умер скоропостижно в 1608 году.

После смерти Константина Константиновича единственным наследником остался старший Иван (Януш), перешедший в католичество. Он стал водворять в своих владениях католичество, обращал церкви в костелы, строил католические монастыри, привлекал к себе католических монахов. У Ивана не было детей мужского пола, дети Александра – два сына – умерли в молодых годах в Люблине, а в 1620 году скончался князь Иван, со смертью которого прекратился по мужской линии род князей Острожских.

Обширные острожские владения перешли к внучке князя Константина Константиновича Анне, бывшей замужем за гетманом литовским Ходкевичем. Она продолжала насаждать католичество и унию среди православного населения, строила костелы, церкви отдавала евреям в аренду.

После ее смерти город Острог с имениями перешел в род князей Заславских, а с прекращением этого рода – к князьям Любомирским, а от них к князьям Сангушкам. В 1755 году последний представитель этого рода Януш Сангушко раздавал имения разным лицам и католическим учреждениям.

В 1793 году город Острог вместе с Волынью после раздела Польши перешел к России, и тогда же большинство униатов возвратилось в Православие, а уже к началу прошлого века уния прекратилась на Волыни.

История Единоверия

Н. ЗИМИНА. ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ПУТЬ НА ГОЛГОФУ».

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

СИМОНА ЕПИСКОПА ОХТЕНСКАГО

ГЛАВА 18. РЕШЕНИЯ СОБОРА О ЕДИНОВЕРИИ

(Продолжение)

20 января 1918 года открылась вторая сессия Всероссийского поместного собора. Именно на этой сессии решалась судьба дела всей жизни отца Симеона Шлеева — судьба Единоверия. Предварительное обсуждение происходило в Отделе по Единоверию и старообрядчеству, возглавляемом митрополитом Антонием (Храповицким).

Защищая на Соборе идею Единоверия, отец Симеон обращал внимание делегатов на его особую роль в обстановке нахлынувшего безбожия. *«В ту пору, когда Русскую Церковь окружают бесчисленные тучи, нам, верующим людям, стыдно и тяжело делиться между собою из-за того, что не понимаем друг друга, и когда грудью надо стать на защиту веры и Евангелия, спорить, что лучше: молиться двумя или тремя перстами... Дороги та традиция, тот уклад, которые защищают приверженцы старины, а не дорого само по себе сложение перстов. Не разоряйте же ячеек, где сохранились здоровые элементы церковной жизни. В той атмосфере, какая у нас сейчас, когда доходят до того, что и Христа не признают, необходимо охранять, а не разорять идеалистическое на строение... Мы запутываемся в слове "уклад", мы не понимаем друг друга, когда говорим о привязанности единоверцев к церковно-бытовому укладу. Слово "уклад" было пущено в оборот мною... Но это слово нужно понимать иначе, чем многие его понимают... Уклад не есть обряд... В приложении к единоверчеству*

уклад не означает самых обрядов, а только лишь то особое серьезное и благоговейное отношение к обряду, которое есть у единоверцев».

Камнем преткновения в работе и Отдела, и Собора в целом явился вопрос о единоверческих епископах. Дискуссия в Отделе приняла острый, порой даже болезненный характер. Одни находили, что самостоятельный епископ единоверцам не нужен, ибо это еще более увеличит разнь, существующую между православными и единоверцами; такой точки зрения придерживались, в частности, Пермский Преосвященный Андроник (Никольский) и Челябинский епископ Серафим (Александров) бывший миссионер, ожесточенный оппонент отца Шлеева. Другие, и их было большинство, в том числе председатель Отдела Владыка Антоний, единоверцы и некоторые другие делегаты, наоборот, настаивали на образовании самостоятельной единоверческой иерархии. В заседаниях Отдела не удалось прийти к согласованному проекту, поэтому на пленарное заседание Собора было представлено два доклада, резко заостренных один против другого.

Один докладчик, Владыка Серафим, решительно высказался против учреждения самостоятельного единоверческого епископата, усматривая в образовании иерархии старого обряда, параллельной православной, угрозу единству Единоверия с Православной Церковью; при этом он поддержал проект введения викарных единоверческих архиереев. Другой докладчик, протоиерей Симеон Шлеев, защищал проект учреждения самостоятельных единоверческих епархий. В предло-

женной им формулировке соответствующая статья звучала следующим образом: «Единоверческие приходы выделяются в отдельные епархии, возглавляемые единоверческими епископами, на первый раз – по определению Всероссийского Поместного Собора, а в последующее время определением того же Собора по представлению областных соборов, с обязательным участием в них епископов (лично или через заместителей) всех епархий, единоверческие приходы коих выделяются в особую епархию».

Основная дискуссия на Соборе по вопросу о единоверческом епископате развернулась в 20-х числах февраля. В ходе горячей полемики отцу Симеону было предъявлено множество самых страшных обвинений. Его

обвиняли в том, что рвение за единоверческий епископат связано с личными амбициями на получение епископской власти; утверждали, что если таковой будет учрежден, то следующим шагом единоверцев и их новопостав-

Заседание Собора 1917–1918 гг. Русской Православной Церкви

ленных епископов будет организационное отделение от Православной Церкви с образованием самостоятельной Церкви с законной иерархией. Таким образом, желание и сокровенная цель Единоверия по преодолению раскола в подобном изложении превращалась в свою противоположность, а активнейший в истории Единоверия его деятель и идеолог из врачевателя раскола превращался в расколоучителя. В выступлениях участников Собора говорилось, что проект отца Шлеева «разрушает единство и поведет к отделению, отчуждению и разделению единоверцев от православных; не мир и успокоение внесут в Церковь Божию единоверческие епископы, а смуту, мятежи и вред для дела миссии; это приведет к образованию само-

стоятельной единоверческой Церкви, которая будет стоять рядом с Православной Церковью; не будет ли тогда нового раскола? А что, если они [единоверцы], получивши самостоятельных епископов, объявят нас схизматиками и раскольниками? В этом стремлении единоверцев иметь самостоятельного епископа есть неискренность и прискорбность. Нет ли здесь каких-либо сторонних побуждений? Не есть ли это путь к автокефалии единоверческой церкви?»

Против введения самостоятельных единоверческих епископов высказались, помимо епископа Серафима, многие православные члены Собора, в их числе Преосвященный Андроник, профессор Московской духовной академии архимандрит Иларион (Троицкий)

юрист П.И. Асеев, юрист П.И. Асеев и юрист П.И. Асеев. В их аргументации, помимо тревог за единство Церкви, серьезное место заняла проблема каноничности проекта, которую сформулировал Владыка Андроник: «Есть ли канонические и исторические основания»

чтобы в одном городе и в одной епархии были два самостоятельных епископа? Есть ли канонические и исторические основания, разрешающие членство в резнополосциу епархий, тем более такую, когда одна единоверческая епархия разбросана на территории многих православных епархий?»

В полемике по указанным спорным вопросам в защиту проекта самостоятельных единоверческих епископов выступили не только единоверцы, но также многие православные члены Собора (основные защитники единоверия Преосвященные Антоний и Андрей не прибыли на Собор по обстоятельствам времени).

Профессор Казанской духовной академии М.Н. Васильевский, бывший Казанский епархиальный

«разрушает единство и поведет к отделению, отчуждению и разделению единоверцев от православных; не мир и успокоение внесут в Церковь Божию единоверческие епископы, а смуту, мятежи и вред для дела миссии; это приведет к образованию само-

миссионер, высказался вполне определенно: «Обнаруженная здесь Преосвященным докладчиком и некоторыми ораторами подозрительность составляет исторический недуг наших отношений к старообрядчеству... Единоверцы просят, чтобы им разрешено было иметь своего единоверческого епископа. Единоверческие епископы будут находиться в постоянном общении с православными епископами; они будут присутствовать на поместных Соборах, равно как и принимать участие в Высшем Церковном Управлении; православные епископы будут иметь право посещать единоверческие храмы, служить там, равно как и единоверческие в православных. Самое избрание единоверческих епископов будет происходить в присутствии православных. Словом — единение полное. А

бого старика. И вот, устроив Единоверие, или ограждают его одеяльцами, или дают ему подпорки, но не дают ему свободы развития. Отсюда и вопли единоверцев об улучшении их положения... Единоверие — это нормальная церковная община, существующая на определенных церковных началах, и нам нужно не противиться, а радоваться ее процветанию... По сознанию единоверцев, мы, православные, собираемся учить их "старому" обряду, думаем даже "охранять" старинный уклад церковной жизни в единоверческих общинах, тогда как мы сами не имеем этого церковного быта, ни этого строго содержимого ими уклада. Мы сами, в своем обыденном быту не живем по канонам, как единоверцы, а потому они не доверяют и православным епископам, этим будто бы слу-

Оппоненты отца Симеона в дискуссии Собора по вопросу о Единоверии (слева направо): епископ (в будущем митрополит) Серафим (Александров), епископ Андроник (Никольский), архимандрит (в будущем епископ) Илларион (Троицкий)

здесь что говорят? Мы слышим подозрительные речи о каких-то сокровенных и недобрых целях единоверцев... Если бы у единоверцев был свой епископ, он мог бы и теперь сделать для единения старообрядцев с Церковью очень многое».

Практический знаток проблемы Д.И. Боголюбов, инспектор Воронежской духовной семинарии, в прошлом видный Петроградский епархиальный миссионер, участник трудов VI отдела Предсоборного Присутствия (а в будущем протоиерей, профессор Московской духовной академии), откровенно признал, что «в массах на него [Единоверие] смотрят как на недоноска, или как на сла-

чайным пришельцам в их общины, которые не знают духа единоверцев и плохо разбираются в их религиозной психологии... Мы должны заняться созданием и организацией общины единоверцев в том виде, как этого хотят лучшие из них. Для того же не страшно дать единоверцам самостоятельного епископа, ибо речь идет не об автокефалии их Церкви, а только о жизненных началах автономного Единоверия».

Православный член Собора Ф.Г. Гаврилов, поддержав введение самостоятельной единоверческой иерархии, сказал: «Для меня вполне понятна та жажда, с какою они [единоверцы] умоляют Собор дать им единоверческого епископа

родного им уклада, чтобы он следил за сохранением и чистотой старого обряда и удержанием их своеобразного быта, к которому мы стали относиться с уважением и одобрением... Единоверцы ищут полноты церковной жизни, и в своем отдельном епископе видят ее завершение... Речь отца протоиерея Шлеева раскрыла мне весь трагизм Единоверия в настоящую тяжелую годину, и отдельный епископ старого обряда именно теперь, в предстоящей борьбе православия с неверием и распадом жизни, является необходимостью».

В ответных выступлениях сам отец Симеон с горечью говорил: «Не могу найти достаточно слов, чтобы высказать то, чем болеет наше сердце. Обвиняют нас в стремлении к сепаратизму, но одно то, что мы присутствуем здесь на Соборе, говорит против этого. Если не будет удовлетворено наше желание, значит время для этого еще не пришло. Но не отвыкнет ли народ от церковности?.. В нашем желании нет ничего ни преступного, ни своекорыстного, нет ничего нецерковного, неспасительного, а есть одно горячее желание помочь своей братии, особенно отпавшей от Церкви... Здесь выходят и говорят, что наши священники желают наград, митр. По нашему проекту епископам придется не за митру хвататься, а за палку и котомку на плечах, ибо наш епископ должен будет всю жизнь странствовать, и не в наградах тут дело, а в подвигах и мучениях. Может быть ныне еще не наступило время мученичества; мы пока не видели мучеников-епископов кроме одного, пролившего мученическую кровь митрополита Владимира [Богоявленского]. Дай Бог, чтобы мученический период не наступал. Я уверен, что на мученичество не всякий пойдет. А я считаю своих епископов вечными странниками, переходящими из одного селения в другое, подобно апостолам, которые также не сидели на одном месте. И нужно бояться лишь одного, что никто не пожелает пойти в такие епископы».

Почему единоверцы желают получить себе единомышленных епископов? Да потому, что «мало настроить церквей в стиле XVII века, снабдить их древнею утварью, даже совершать богослужение по древнему чину; нужно жить в этом старинном укладе, нужно возлюбить его, прилепиться к нему. А без этого вся внешность будет только мертвой сокровищницей минувших веков, кото-

рая не обогатит русского духа, а разве только археологически его просветит... Нынешняя разруха государственная и неполадки церковной жизни должны научить тому, что церковная жизнь не книжка, которую можно прочесть и забыть, не наука, которую можно преподавать, а самому учителю не заботиться о том, осуществляется ли она в жизни. Вера Христова – это жизнь во Христе, а потому все церковное строительство должно клониться к тому, чтобы вера Христова внедрялась в наше сознание, в наш быт. И раз у нас создались известные нормы, порядок, известный быт церковный, завещанный предками, если все это заведено и веками закреплено и держится с любовью среди многих сельчан, то вполне понятна мысль о том, чтобы был охранитель всего этого древнерусского быта, облеченный саном епископа, и желание это заслуживает одобрения...»

Вопрос о каноничности проекта вызвал острую и очень любопытную дискуссию с богатой аргументацией обеих сторон, которая достойна стать предметом особого исследования.

Выступая против самостоятельных епископов, большинство Собора поддерживало саму идею введения единоверческих епископов, но только викарных. Однако отец Симеон решительно высказался против подобного проекта:

«Единоверцы не стремятся к автокефалии... Об автокефалии Единоверия мы никогда не говорили и не мыслили. Могут спросить: почему же в таком случае я высказываюсь против викарных епископов для единоверцев. Да, викарные епископы нам не нужны. Викарный – слово латинское, неизвестное Кормчей. Викарный епископ не равен правящему епископу... Далее мы не должны упустить из вида обвинений единоверцев со стороны старообрядцев; старообрядцы указывают на то, что Единоверие есть какое-то половинчатое, не полное православие... Мы желаем себе епископа как защитника быта, уклада, воззрений наших. Между тем викарный епископ может быть только точным проводником мыслей правящего епископа. Если теперь некоторые епископы не могут уделять должного внимания Единоверию, – отчасти по причине просто физической невозможности, отчасти потому, что не совсем одобрительно относятся к

единоверцам, как к людям недостаточно культурным, упорно держащимся обряда, – то такое же явление продолжится и тогда, когда Единоверием будут править епископы викарные, зависящие от епархиальных. Обновления и успокоения не будет...»

* * *

Видя, что не удастся достичь согласия и Собор не может решиться дать единоверцам самостоятельных архиереев, создавая тем самым параллельную старообрядческую иерархию, отец Симеон не стал настаивать на проекте Отдела и обратился к проекту зависящих от епархиальной власти единоверческих епископов, – по собственным словам батюшки, именно такой проект он защищал и в Предсоборном совете.

«Мы никогда не желали создавать для Православной Церкви такого положения, – заявил он Собору, – в котором идея единства могла бы потухнуть и затемниться. Мы и тогда, и сейчас представляем дело таким образом: единоверческие епископы не называются викарными, ибо это латинское слово соблазнительно для единоверцев, а поставляются в то положение, в каком епископы стояли в Константинопольской Церкви; они поставляются в города настоятелями больших приходов и им поручаются другие единоверческие приходы, находящиеся как в данной епархии, так и в ближайших епархиях. Это мысль митрополита Филарета, и ничего преступного здесь нет». (Напомним, что VI отдел Предсоборного Присутствия формулировал эту же по сути идею в виде единоверческих епископов при митрополитах церковных округов.) Соответственно, отец Шлеев предложил новую редакцию соборного определения статьи о епископе:

«Единоверческие приходы, входя в состав православных епархий, по определению Собора или по поручению правящего епископа, если достаточное количество единоверцев есть в данной епархии или же находятся на то местные средства, управляются особыми единоверческими епископами.

Примечание. Единоверческий епископ с согласия епископа смежной епархии может управлять единоверческими приходами и этой епархии, но и тут и в своей епархии он управляет в подчинении правящему епископу».

Отец Симеон привел в пример бывшие ранее аналогичные прецеденты из истории Русской Церкви: был епископ Корельский, который подчинялся Олонецкому и Архангельскому архиереям; в 1848–1849 годах епископ Костромской епархии заведывал единоверческой церковью города Ярославля; эта формула, по мнению батюшки, оправдывалась и каноническими правилами.

Помимо этой редакции, членами Собора было предложено еще семь формулировок статьи. При голосовании Собор высказался против самостоятельных единоверческих епископов и отклонил первоначальную формулировку. Затем Собор поддержал новую редакцию статьи, предложенную отцом Шлеевым, – но большинством всего в три голоса. Это вновь вызвало резкие возражения со стороны противников единоверческого епископата. Владыка Серафим заявил, что при таких результатах голосования он будет вносить свое особое мнение в епископское совещание, раздалось также голоса, требующие проверить голосование. Тогда отец Симеон предложил компромисс: *«Говорят, формула составлена неясно. Я согласен формулировать ее иначе. Мы самостоятельных епископов не желаем, а зависящих от правящих епископов. Об этом сказано в примечании. Я готов внести в свою поправку дополнение: "подчиненными епархиальным архиереям"».* Для успокоения Собору пришлось воспеть тропарь Пятидесятницы *«Благословен еси, Христе Боже наш».*

После некоторого совещания митрополит Антоний (который как раз в этот день, 25 февраля, прибыл, наконец, на Собор) зачитал исправленную поправку отца Шлеева в следующей редакции: *«Единоверческие приходы, входя в состав православных епархий, по определению Собора или по поручению правящего архиерея, управляются особыми единоверческими епископами, зависящими от епархиального архиерея».*

Большинством голосов эта редакция статьи была принята. Однако примечание к статье, которое голосовалось отдельно, большинством 160 голосов против 77 было отклонено. Далее Собор продолжил обсуждение остальных статей о Единоверии.

* * *

«Единоверцы с особенной надеждой ждали поддержки и защиты на Соборе епископа Андрея Уфимского и митрополита Антония Харьковско-го, но оба они не смогли прибыть на Собор по обстоятельствам переживаемого времени, — писала в те дни газета «Петроградский голос», корреспондент которой сумел передать и тревожную, грозную атмосферу того времени, и живые характеры действующих в репортаже лиц. — Епископ Андрей Уфимский не прибыл вовсе, митрополит Антоний приехал только тогда, когда вопрос был уже разрешен. К нему подошел протоиерей С.И. Шлеев и со слезами в голосе выразил свою скорбь, что владыка опоздал.

— Мы все вас так ждали. Я даже сколько раз видел вас во сне.

Однако митрополит Антоний раньше прибыть не мог, ибо он был застигнут в Киеве последними кровавыми событиями и под обстрелом принимал участие в работах украинского съезда духовенства. Когда работать стало уже нельзя, владыка с архиепископом Евлогием выехали в Житомир, откуда за ними выслали автомобиль. Но машину в город не пустили, до нее пришлось ехать 7 верст на извозчике, взявшем за это путешествие под огнем 50 рублей. Владыка ехал под пулями.

— Я и не знал, — говорил он, — что можно видеть, как летит пуля, а тут во время этого пути насмотрелся на пули и научился различать их полет.

Из Житомира митрополит Антоний снова вернулся в Киев, но застал уже там развалины. Он поклонился праху митрополита Владимира [Богоявленского] и осмотрел разрушенные киевские святыни. Они пострадали больше московских».

* * *

Какую позицию по обсуждаемому вопросу занимал Первосвятитель Тихон? Симпатии его, писали современники, «были неизменно на стороне единоверцев и их притязания на создание самостоятельной иерархии, в чем Святейший Патриарх, не в пример другим, не усматривал чего-либо угрожающего целостности нашей Церкви... Святейший Патриарх Тихон на этот пререкаемый вопрос смотрел с присущей ему необычайной широтой и терпимостью, оставляя в решении принципиальных моментов место проявле-

нию воли Божественного Промысла, "немогущая врачующей и оскудевающая восполняющей", о чем нередко, в полемическом пылу, упускали из виду стяжающиеся стороны».

* * *

7 марта Собор утвердил следующие определения, касающиеся Единоверия.

«1. Единоверцы суть чада Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, кои, с благословения Поместной Церкви, при единстве веры и управления, совершают церковные чинопоследования по Богослужебным книгам, изданным при первых пяти Русских Патриархах, — при строгом сохранении древнерусского бытового уклада.

2. Единоверческие приходы входят в состав православных епархий и управляются по определению Собора или по поручению правящего Архиерея, особыми единоверческими Епископами, зависимыми от епархиального Архиерея.

3. Епархиальные Архиереи имеют такое же архиастырское попечение о религиозной жизни единоверческих приходов, как и о приходах православных, при обозрении епархии посещают и единоверческие приходы и служат в них по принятому в единоверческих церквах уставу; также и единоверческие Епископы, ведающие по поручению епархиального Архиерея единоверческими приходами, с его благословения посещают единоверческие и православные приходы и служат в последних по принятому в Православной Церкви чину...

4. Единоверческие Епископы получают наименование по городу или иному населенному месту с единоверческим приходом, но не по таким, которые входят в титул правящего Архиерея.

5. Единоверческие Епископы участвуют на Поместных Соборах Православной Русской Церкви в числе, определенном Уставом Собора.

6. Кандидаты в единоверческие Епископы избираются на собрании представителей единоверческого клира и мирян под председательством местного правящего Архиерея, который и представляет акт избрания, со сво-

им отзывом, на утверждение высшей церковной власти. Избранные единоверческие Епископы поставляются православными и единоверческими Архиереями.

... 9. Все священнослужительские и церковнослужительские места в единоверческих приходах замещаются в общеустановленном церковном порядке по выбору приходских общин с утверждения единоверческого Епископа.

10. В целях благоустройства и укрепления Единоверия предоставляется единоверцам право для обсуждения вопросов о нуждах Единоверия собираться на епархиальные, окружные и всероссийские съезды. На окружных и всероссийских съездах председательствует Архиерей, указанный Святейшим Патриархом и Священным Синодом, а на епархиальных единоверческих съездах председательствует или местный единоверческий Епископ, по поручению правящего Архиерея, или сам епархиальный Архиерей.

11. Все сношения с высшею церковною властью по делам единоверцев ведутся через епархиального Архиерея. Ходатайство об учреждении в той или другой епархии единоверческой епископии, с указанием средств на содержание ее, вчиняются также чрез местного епархиального Архиерея.

12. В единоверческих церквах и обителях должно строго сохранять древнее пение и древний чин службы...

13. На общих торжественных служениях, устраиваемых по взаимному соглашению православных и единоверческих приходов, песнопения исполняются по чину тех и других приходов попеременно.

14. Перечисление единоверцев в православные приходы, равно как и православных в единоверческие приходы, совершается беспрепятственно, так как употребляемые единоверцами при богослужении книги и обряды тоже православны. Лица, переходящие из единоверческих приходов в православные и из православных в единоверческие, не должны подвергаться стеснениям.

Примечание. В случае просьбы не менее четырех пятых полноправных прихожан, единоверческие приходы с храмами перечисляются в православные и в них устанавливается Богослужение по чину, благословленному Собором 1667 г., и обратно — православные храмы и приходы перечисляются в ведение единоверческого Епископа и в них совершается служба по старопечатным книгам.

... 19. Для единоверческих приходов, заявивших желание иметь единоверческих Епископов... с согласия епархиальных Архиереев, учреждаются кафедры единоверческих Епископов в епархиях: Петроградской — Охтенская с местожительством для Епископа в г. Петрограде, в Нижегородской епархии — Павловская с местожительством для Епископа в селе Павлове; в Уфимской епархии — Саткинская с местожительством для Епископа в Златоустовском Воскресенском единоверческом монастыре и в Тобольской епархии — Тюменская с местожительством для Епископа в г. Тюмени».

Таким образом, Поместный собор, хотя и не снял еще официально клятв со старых обрядов и с придерживающихся их, но фактически признал равноблагодатность обрядов старых и новых, а также признал православность книг старой печати; на основе такового признания разрешил свободный переход православных в Единоверие и обратно, официально признал единоверцев равноправными членами Православной Церкви — тем самым ответил на многие чаяния единоверцев. Собор оправдал и слова отца Симеона, оказавшиеся пророческими, о том, что будущий патриарх сам даст единоверцам своего епископа. Святитель Тихон действительно способствовал учреждению единоверческого епископата. Решения Собора, казалось, открывали новую страницу в истории Единоверия. Однако в России уже разгоралась гражданская война... В жизни же отца Симеона Шлеева, волею Божией, решения Собора действительно открыли новую главу — период служения в епископском сане.

(Продолжение следует)

БОГОСЛУЖЕНИЯ В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА В МАЕ

Дата	День недели	Время	Богослужение
1	четверг	07:00 17:00	Божественная Литургия. Светлый Четверток Вечернее Богослужение
2	пятница	07:00 17:00	Божественная Литургия. Светлый Пяток Вечернее Богослужение
3	суббота	07:00 15:00	Божественная Литургия. Светлая Суббота Всенощное бдение
4	воскресенье	07:00	Божественная Литургия. Неделя о Фоме. Святого славного великомученика Георгия
5	понедельник	17:00	Панихида
6	вторник	07:00	Божественная Литургия. Радоница
10	суббота	07:00 15:00	Божественная Литургия. Священномученика Симеона, епископа Иеросалимского Всенощное бдение
11	воскресенье	07:00 13:00	Божественная Литургия. Неделя Святых Жен-Мироносиц Крестный ход
16	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
17	суббота	07:00 15:00	Божественная Литургия. Святая мученицы Пелагии Всенощное бдение
18	воскресенье	07:00	Божественная Литургия. Неделя о расслабленном
20	вторник	17:00	Вечернее Богослужение
21	среда	07:00 15:00	Божественная Литургия. Преполовление Пятидесятницы. Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова Всенощное бдение
22	четверг	07:00	Божественная Литургия. Перенесение честных мощей святителя Николы, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца
23	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
24	суббота	07:00 15:00	Божественная Литургия. Священномученика Мокия Всенощное бдение
25	воскресенье	07:00	Божественная Литургия. Неделя о самарянине
30	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
31	суббота	07:00 15:00	Божественная Литургия. Святого мученика Феодота Всенощное бдение

Кроме дней, указанных в расписании, в единоверческом храме Архангела Михаила ежедневно совершается полунощница в 07:00, а также вечерня и павечерница в 17:00.

В расписании возможны изменения.

ИЗДАНИЕ МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

Главный редактор: св. игумен Иринарх

Заведующий производством: диакон И. Краев

Телефон редакции: (495) 510-51-81

Ответственный за выпуск: свящ. Е. Саранча

Корректор: А.И. Титова

e-mail: edinoverie-sloboda@yandex.ru

Ваши пожертвования на приобретение данного издания будут использованы на нужды воскресной школы храма Архангела Михаила и издательскую деятельность нашего прихода.

Дорогие читатели, низжайше просим Вас, после прочтения очередного номера нашего издания, не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.